

Выбравшись из мини-мирка Пагоды Очищения Демонов, Чэнь Хуайань вновь оказался перед статуей божества. Поразмыслив, он опустился перед ней на колени и глубоко поклонился, коснувшись лба земли, отдавая дань уважения старшему.

Закончив с этим, Чэнь Хуайань присел у храмовых дверей и, кутаясь в одежду, ловил идущее от жаровни тепло. Черда недавних схваток вымотала его до предела, и вскоре он крепко заснул.

Стоило ему погрузиться в сон, как жаровня запылала еще жарче, словно боясь, что он простудится, а на лице статуи мудреца на возвышении застыла еще более теплая улыбка.

Ранним утром, едва забрезжил рассвет, Чэнь Хуайань уже был полностью готов к пути. Остаться здесь на постой вчера пришлось от безысходности, но теперь нельзя было терять ни минуты.

Накануне он потратил слишком много времени, потому что добирался до тракта на своих двоих, в то время как Чжу Гуй ехал верхом туда и обратно — наверняка он уже давно вернулся в город.

Чэнь Хуайань тоже числился в официальных списках уездных стражников, и если человек бесследно исчезает, да к тому же служит в дознании, начальство непременно докопается до правды.

Судя по его знакомству с Чжу Гуем, тот обладал на редкость гнусным нравством: даже если бы Чэнь Хуайань действительно пал от лап демона-паука, Чжу Гуй не оставил бы ему доброго имени.

Кто знает, какую ложь он сочинит для Уездного управления: наплетет, мол, что тот пособничал демонам и был убит, или что предал власти и примкнул к разбойникам за стенами города. Какую бы причину он ни выдумал, свидетелей нет, и тогда ему останется только нести любую чушь?

Нужно было поскорее возвращаться в город, пока ложные обвинения не превратились в неоспоримые факты. Даже если по возвращении не удастся избежать тюрьмы, это все равно лучше, чем ничего.

Перед уходом Чэнь Хуайань снова трижды поклонился статуе мудреца и пробормотал про себя:

— Покровитель мой, даруй удачу в боевых искусствах!

Дорога прошла спокойно. Чэнь Хуайань шагал легко и быстро: не прошло и двух часов, как солнце полностью поднялось над горизонтом, и он уже вышел к стенам города уезда Цинъян.

Пусть город выглядел несколько обветшалым и потрепанным временем, но высокие стены, сложенные из массивных синих валунов, и толстые городские ворота в два чи толщиной

позволяли уезду Цинъян по праву занимать среднее или даже высшее положение среди уездных городов Государства Тан.

Вот только из-за удаленности от столичного округа и глухомани уезд почти не поддерживал связей с внешним миром, и боевые искусства в городе захирели. За последнее десятилетие здесь не появилось ни одного одаренного гения боевого пути, который мог бы стать надежной опорой местной обороны.

Поэтому, когда стихийные бедствия и нашествия демонов вспыхивали вновь и вновь, сдерживать высших демонов Стадии Принятия Облика могли лишь считанные мастера былых лет, чей уровень культивации достиг Предела Закалки Тела: начальник стражи Ван Чэншуан, глава школы боевых искусств Цяньшань ЦАО Яо, богач Лю Чанкун из клана Лю и гость поместья Лю Ли Чанлун. Объединив усилия, они отражали волны чудовищ.

Говорили, что Уездное управление на солидное жалованье наняло двух могущественных экспертов Предела Закалки Тела в качестве гостевых старейшин, но те привыкли жить в роскоши и брали плату за каждый выход на бой, так что без крайней нужды власти их услуги не задействовали.

Тем не менее городские стены то и дело получали серьезные повреждения от натиска чудовищ. После того как волна спадала, их приходилось то и дело латать, отчего синяя кладка пестрела трещинами и пробоинами.

Чэнь Хуайань не стал задерживаться у входа и зашагал в город.

Пусть его форменная одежда висела лохмотьями, а к спине за веревки были привязаны фиолетовые паучьи лапы демона-паука, придавая ему свирепый и злобный вид, многие простые жители города уезда Цинъян отлично знали Чэнь Хуайаня.

Просто этого парня на глазах у стариков вырастила вся округа, и, поступив на службу к властям всего два месяца назад, он разительно отличался от прочих стражников.

Он не только презирал поборы и вымогательства, свойственные остальным чиновникам, но и всей душой заботился о горожанах.

У одинокой бабушки Линь с Восточной улицы он то и дело покупал рис и сам носил ей домой.

Если кто-то в уезде хворал или страдал от напастей, этот молодой парень всегда использовал медицинское искусство, переданное ему дедом по фамилии Чэнь, чтобы исцелять земляков, беря плату лишь за лекарственные травы и материалы. Это было куда надежнее, чем обирающие до нитки лекари из лавки Сто Трав.

В небольшом уезде стражник-белая ворона вроде Чэнь Хуайаня породил ту самую молву: кто

же в округе не слышал доброго имени молодого господина Чэня?

— Хуайань, сынок, почему ты вернулся из-за города только под утро? Иди-ка сюда, тетушка как раз парочку свежих пацзы напарсила — с яйцом и морковкой. Возьми пару штук перекусить, а я тебе еще парочку заверну, отнесешь девочке Хуай Цзинь.

Это говорила хозяйка блинной неподалеку от ворот по имени Линь Мэйнян, прозванная красавицей Линь. Женщине было за сорок, и она уже много лет жила вдовой. Благодаря тому, что она всегда тщательно следила за собой, на вид ей можно было дать не больше тридцати с небольшим, и она по-прежнему сохраняла женственное очарование.

Линь Мэйнян приходилась Чэнь Хуайаню старшей родственницей, а потому обращалась к нему просто и ласково.

Заметив идущего от городских ворот парня и разглядев по мере приближения его потрепанную одежду и запыленное красивое лицо, Линь Мэйнян тихо вздохнула и произнесла вполголоса:

— Хуайань, служба службой, но нельзя же так себя изнурять. В нынешние времена мужики способны лишь прятать головы в панцири, а когда приходят демоны — никто не в силах их остановить. Только ты у нас такой простодушный, вечно лезешь вперед сломя голову.

Слушая ворчание Линь Мэйнян, напоминавшее заботу родной тетки, поглубевшее лицо Чэнь Хуайаня смягчилось от тепла, и он ответил:

— Тетя Линь, все в порядке, я уже привык.

Согласно воспоминаниям прежнего владельца тела, Линь Мэйнян относилась к Чэнь Хуайаню с искренней теплотой еще по одной причине.

Линь Мэйнян славилась своей красотой на всю округу, к тому же была вдовой мастера боевых искусств, погибшего много лет назад во время нашествия демонов ради спасения горожан, и с тех пор жила в одиночестве.

Местные хулиганы и нечистые на руку стражники то и дело облизывались на нее.

Среди таких мерзавцев был и подлец Чжу Гуй, который в начале года, прикрываясь должностью чиновника, попытался силой овладеть Линь Мэйнян, но попался на глаза зашедшему за булочками Чэнь Хуайаню.

Как бы сильно Чжу Гуй ни злился, он прекрасно понимал, насколько трудно справиться с превосходящей его культивацией Чэнь Хуайаня.

Под угрозами Чэнь Хуайаня Чжу Гую пришлось позорно ретироваться. Вероятно, именно с того самого дня негодяй затаил смертную обиду, но именно с того же момента Линь Мэйнян

прониклась к Чэнь Хуайаню еще большим доверием и даже привязалась к нему.

Отсюда и сегодняшняя утренняя сцена полная душевного тепла.

Чэнь Хуайань принял от Линь Мэйнян булочки и, поскольку не ел уже больше суток, почувствовал сильный голод. В два-три укуса проглотив оба пацзы, он сразу почувствовал прилив сил.

— Тетя Линь, ваши пацзы по-прежнему выше всяких похвал, ем уже больше десятка лет и никак не наежусь.

Чэнь Хуайань широко улыбнулся, пошарил за пазухой, достал четыре медные монеты и бросил их в денежный ящик лавки.

— Не нужно, я же говорила тебе, что не нужно! Ах ты проказник, вечно ты со мной церемонишься.

Линь Мэйнян не успела его остановить, выхватила из ящика горсть медных монеток и попыталась всучить ему обратно, даже не пересчитывая.

Но разве мог Чэнь Хуайань, обладая силой культиватора, позволить простой смертной взять верх? Он подхватил со стола завернутые в бумагу пацзы и был таков.

— Спасибо, тетя Линь! И от Хуай Цзинь передайте благодарность.

Слушая удаляющийся голос Чэнь Хуайаня, Линь Мэйнян надула щеки, покачала головой, досадливо бросила монетки обратно в ящик и с улыбкой выругалась:

— Ах ты паршивец!

По пути к нему то и дело обращались проходящие мимо горожане.

— С утреним часом, младший Чэнь!

— Доброго утра, молодой господин Чэнь, отведали ли вы уже рис?

— Хуайань, дитя мое, как же ты так перепачкался? Зайди к тетушке, умой лицо.

Чэнь Хуайань с улыбкой кивал каждому, отвечая на приветствия этих незнакомых, но таких близких людей.

Добравшись почти до переулочка Цветов Сливы, он нос к носу столкнулся со своим соседом Чжан

Гуйшэном, который был младше его на два года.

Чжан Гуйшэн, известный также как толстяк Чжан Сяопан, с самого детства отличался отъевшейся круглой физиономией, хотя лакомств вдоволь не видел.

Этот парень вырос, околавываясь рядом с Чэнь Хуайанем, и считался одним из его младших подручных. Из-за того что их дома стояли по соседству, Чэнь Хуайань относился к нему с особым вниманием.

Но сейчас Чжан Сяопан перегородил ему дорогу с перекошенным от ужаса лицом, и первые же его слова заставили сердце Чэнь Хуайаня забиться в панике:

— Брат! Наконец-то ты вернулся!

— Старый пёс Чжу Гуй сегодня утром притащил в твой дом пару прихвостней-стражников и забрал Хуай Цзинь!

— Он говорит, что ты совершил тяжкое преступление, пособничая демонам за городом, и Хуай Цзинь наверняка замешана в этом, поэтому ее волокут в суд для вынесения приговора!

<http://bllate.org/book/21071/2141448>